

Роль способности суждения в кантовской философии права (тезисы доклада)

В «Метафизике нравов» Канта изложена теория права или, если быть точным, «метафизические первоначала учения о праве». Но теория имеет смысл только тогда, когда у нас есть способность применять ее в опыте: будь то для познания и для того, чтобы совершить поступок. Такую способность Кант называет способностью суждения, «способностью подводить особенное под общее понятие». Для способности суждения не может быть правила, поэтому ей нельзя научить: *«Поэтому врач, судья или политик может иметь в своей голове столь много превосходных медицинских, юридических или политических правил, что сам способен быть хорошим учителем в своей области, и тем не менее в применении их легко может впасть в ошибки или потому, что ему недостает естественной способности суждения (но не рассудка), так что он хотя и способен in abstracto усматривать всеобщее, но не может различить, подходит ли под него данный случай in concreto, — или же потому, что он к такому суждению недостаточно подготовлен примерами и реальной деятельностью.»*

Задачи способности суждения могут быть разными в зависимости от специфики теории и ее отношения к предмету. В деле познания у нас есть априорные правила для синтеза понятий («основоположения чистого рассудка»). Благодаря этому в науках возможно многообразие эмпирических законов. В этике же у нас нет возможности исследовать ее законы так же, как мы исследуем законы природы. Поэтому суждение пользуется лишь общей формой природной законосообразности (т.н. «типика практической способности суждения»).

Разница существенна, т.к. чтобы пользоваться способностью суждения в теоретическом познании, надо быть знакомым с содержанием соответствующих наук. Поэтому человек с улицы судить не может. В этике же все многообразные случаи подводятся под одну-единственную формулу категорического императива. Поэтому в данном случае судить может кто угодно, и дело не в эрудиции, а в развитости самой способности суждения.

Таким образом, от специфики области зависит и то, кто именно будет инстанцией суждения. Можно сказать, что науки предполагают элитарную модель суждения (судит узкое сообщество специалистов). Этика предполагает эгалитарную модель суждения (судит каждый).

Как обстоят дела в праве? С точки зрения задач, стоящих перед способностью суждения, право имеет родство и с этикой, и с науками. С одной стороны, в праве, по

мысли Канта, как и в этике, есть одна-единственная универсальная формула закона. С другой стороны, позитивное право существует только в форме многообразных эмпирических законов, что роднит его с науками.

В работе под названием «О поговорке: это может быть хорошо в теории, но не годится для практики» Кант, похоже, склоняется к эгалитарной модели суждения. Более того, в этом произведении он подходит к проблематике философии права именно с точки зрения задач суждения: перейти от теоретических построений к практическим. Он показывает, что расхожее выражение (см. название работы) – это, по сути, средство отказаться от способности суждения и а заодно и от теории вообще. На самом деле, как стремится показать Кант, если в качестве долга предписано нечто, возможное в опыте, то никакие ссылки на непригодность к практике не уместны. Ссылаться на непригодность к практике в этом случае означало бы подменять условия реализации требований разума условиями самого разума.

Таким образом, в этой работе Кант преподносит применение практических законов разума к реальности (частной, государственных порядков и международных отношений) как задачу суждения. И когда дело доходит до правового законодательства он возлагает эту задачу, в том числе, на каждого гражданина:

«свобода печатного слова есть единственный палладиум прав народа — свобода в рамках глубокого уважения и любви к своему государственному устройству ... Ведь намерение отказать народу в этой свободе было бы равносильно не только лишению его всякого притязания на право по отношению к верховному повелителю (как думает Гоббс), но и лишению самого повелителя ... всяких знаний о том, что он сам изменил бы, если бы знал об этом, и в таком случае он впал бы в противоречие с самим собой. Внушать же главе опасение насчет того, что самостоятельные и открыто высказанные суждения могут привести к беспорядкам в государстве, значит то же, что вызывать у него недоверие к своей собственной власти или же ненависть к своему народу.»

В похожем ключе написан следующий отрывок из «Спора факультетов»:
просветители *«не доверительно взывают к народу (которому почти или совсем нет дела до их трудов), а почтительно обращаются к государю, умоляя его принять во внимание правовую потребность народа; произойти же это может только публично, если весь народ намеревается высказать свои жалобы. Запрещение публичности препятствует продвижению народа к лучшему».*

Важно, что Кант подразумевает в этом отрывке, что сам народ *не законодательствует*, а только обсуждает законы, принятые правителем. Т.е.

рассматривает ситуацию республиканского стиля правления, а не республики как таковой. Причем, речь идет именно о свободе обсуждать принимаемые законы, а не свободе слова вообще (например, «умствования» на тему реального происхождения государства, по Канту, должны быть запрещены). Кроме того, Кант говорит, что тот, кто ссылается на неприменимость к практике, делает реализацию должного невозможной. Таким образом, суждение – не просто «свобода» гражданина, но и его долг.

Однако в «Споре факультетов» Кант, похоже, придерживается другой, элитарной модели суждения: публичная дискуссия, в том числе, по вопросам законодательства, представлена исключительно как полемика ученых друг с другом, точнее, высших факультетов с низшим: *«Факультеты ... направляют свои возражения и сомнения только друг против друга как ученые, о чем народ практически ничего не знает, если даже об этом доходят до него сведения, так как народ скромно полагает, что умствование не его дело, и считает себя обязанным придерживаться лишь того, что ему сообщают назначенные для этого служащие правительства.»* С этим созвучна мысль из трактата «К вечному миру», что философов можно подключать к заключению договоров, но только тайно.

Роль публичной критики постановлений власти в «Споре факультетов» отводится философскому факультету: *«некая оппозиционная партия (левое крыло) — место философского факультета, ибо без его строгой проверки и возражений у правительства не будет достаточно ясного понятия о том, что ему самому полезно или вредно.»* Т.е. философскому факультету здесь отводится точно такая же функция, какая отводилась «народу» в «О поговорке»: публично критиковать принятые законы, давая правительству возможность избежать невольных заблуждений. При этом спор ведется именно в формате спора между факультетами, даже несмотря на то, что косвенно критике подвергаются постановления законодателя.

Кант прямо говорит, что народ не должен участвовать в этой публичной критике: *«Если же спор ведется перед гражданским обществом (открыто, например с кафедры), как пытаются делать практические деятели факультетов (под именем практиков), то он неправомочно выносятся на суд народа (которому не дано судить об ученых делах) и перестает быть ученым спором; в этом случае наступает упомянутое выше состояние спора, когда учения излагаются соответственно склонностям народа и зароняются семена возмущения и крамолы, представляющие опасность для правительства. Эти самозванные народные трибуны тем самым исключают себя из сословия ученых, нарушают права гражданского устройства (вторгаются в политику).»*

Напрашивается мысль, что в «Поговорке» Кант говорит о «совершеннолетнем» народе, а в «Споре факультетов» - о «несовершеннолетнем» (см. «Что такое Просвещение?»). Но это разделение не объясняет сказанного, ведь Кант не раз подчеркивал, что недопустимо лишать людей тех или иных свобод, ссылаясь на их «несовершеннолетие». Скорее, дело именно в указанной двусмысленности права с т.з. способности суждения.

В «Метафизике нравов» Кант пишет, что позитивные законы (т.е. реально принятые законодателем) таковы, что их обязательность *не может быть* познана разумом; они обязывают лишь потому, что исходят из воли законодателя, авторитет которого основан на естественном законе. Что значит, что обязательность не может быть познана разумом? Получается, что тест на возможное согласие всех к таким законам неприменим? Не совсем. Он применим, но лишь в той же мере, что в этике. Дело в том, что разум дает лишь ограниченный набор принципов. Особенные з-ны должны быть под них подведены, чтобы быть справедливыми, но это нельзя сделать путем эксперимента как в науке или путем какой-то сходной рациональной процедуры. Таким образом, данное подведение – задача не рассудка, а только суждения, а значит, оно не может быть делом специалистов. Иначе говоря, задача профессионального судьи – не в том, чтобы оценивать справедливость того или иного позитивного закона, подводя его под всеобщий принцип права, а в том, чтобы подводить особенные случаи (материалы конкретного дела) под существующие позитивные законы. Поэтому *обязывающая сила* этих законов основана на авторитете законодателя. Но их *объективная значимость* (справедливость) все равно должна быть основана на суждении разума. Поэтому мы возвращаемся к вопросу, может ли это суждение быть организовано эгалитарно, как в этике.

В конце работы «Что такое Просвещение?» есть интересное замечание, которое, возможно, поможет пролить свет на проблему. Кант пишет, что только самодержавный, но при этом просвещенный (т.е. правящий республикански) монарх «может сказать то, *на что не отважится республика*: рассуждайте сколько угодно и о чем угодно, только повинуйтесь!» (курсив мой. – Д.А.) Дальше Кант говорит о некоем противоречии между «гражданской свободой» (т.е. свободе участвовать в принятии законов) и «свободой духа» (т.е. свободе публично рассуждать). Кант не поясняет этого умозаключения, но оно становится понятным, если вспомнить, что смысл разделения властей в его философии тот же самый, что смысл разграничения человеческих способностей. Такое разграничение способностей уберегает от злоупотребления ими: например, ограничение познающего рассудка условиями возможного опыта удерживает от необоснованных претензий на спекулятивное познание того, что выходит за пределы всякого опыта. Сходную задачу

имеет разделение властей. Отсюда следует, что судить о государственных делах может только тот, кто сам не занят в законодательных и исполнительных делах. Поэтому, например, в «Споре факультетов» Кант говорит, что чиновникам и публичным деятелям высших факультетов (т.е. фактически тем, кому делегирована исполнительная власть) нельзя критиковать принятые законы. Этим же объясняется, почему свобода критики невозможна там, где реализована гражданская свобода.

При этом у Канта суждение занимает в ряду остальных способностей особое место. В «Критике чистого разума», заявляя, что суждению нельзя научиться, Кант оговаривается, что *«как критика, а именно для того, чтобы предотвратить ложные шаги способности суждения (lapsus iudicii) в употреблении немногих чистых понятий рассудка, которыми мы располагаем, философия может развернуть (хотя в этом случае польза ее лишь негативна) всю свою пронизательность и искусство проверки.»*) Таким образом, критическая философия с точки зрения Канта призвана уберегать способность суждения от ложных шагов и давать ей общие ориентиры. Проведение границ других способностей не только отводит место способности суждения, но служит ей подмогой. В этом широком смысле «О поговорке» - тоже критическое сочинение, потому, что в нем как раз разоблачается ложность этой поговорки с точки зрения задач, стоящих перед суждением.

Таким образом, возвращаясь, к философии права, можно предположить, что не суждение носит вспомогательную функцию по отношению к учению о праве, а учение о праве – по отношению к суждению. Через теорию права суждению ставятся дополнительные границы, чтобы проводить различия. Например, теория правового наказания, ставит границы этическому представлению о справедливом воздаянии (границы, провести которые оказалась не в состоянии философия Руссо), указывая в каких случаях карательное право применимо, а в каких – нет.

Тем самым, вопрос о том, кто именно выносит суждения, все граждане или узкая группа мыслителей, второстепенен. Важно, чтобы была такая инстанция независимого и критического по отношению к себе суждения.